

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ В ПОНИМАНИИ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

А. С. Найдёнов, И. А. Кривенко

В статье рассматривается эволюция взглядов западных ученых на проблему криминальной экономики. Показаны этапы становления и развития современной экономической науки в области исследования криминальной деятельности, поведения и экономической мотивации преступников. Рассмотрена трансформация существующих моделей и развитие методологических принципов исследования криминальной экономики от абсолютной рациональности преступника до эконометрических моделей, учитывающих обширные факторы социально-психологической среды. Дан обзор применения экономических методов в криминологии в их взаимосвязи с экономическими теориями и научными школами, а также отдельно анализируется трансформация содержания самого термина «криминальная экономика» в работах зарубежных исследователей.

Полученные результаты позволяют расширить методологическую базу исследования современной криминальной экономики за счет использования междисциплинарного подхода. Новый взгляд на проблему современной криминальной экономики, тесно интегрированной в официальную экономику и трансформировавшейся от грабежей до участия в транснациональных криминальных потоках с задействованием высокопоставленных чиновников, возможен лишь с учетом пересмотра имеющегося опыта исследований и с задействованием философских, социологических и психологических подходов, характерных для работ периода становления современной экономической науки.

Криминальная экономика в той или иной мере существует с момента возникновения государства и общества, представляя собой обособленный способ перераспределения благ между его членами либо насильственными методами, либо путем обмана. Дальнейшее формирование государства как института сопровождалось развитием его ограничительной функции, что предполагает запрет на производство и реализацию отдельных видов товаров и услуг, которые в результате не исчезли, а частично переместились в нелегальный сектор, дополнив тем самым феномен криминальной экономики новым содержанием.

При этом научные работы, изучающие преступность с позиций экономики, появились совсем недавно. Предпосылкой к этому в той или иной мере послужила работа одного из крупнейших теоретиков политического либерализма Иеремии Бентама «Основания нравственности и законодательства» [4]¹, в которой

впервые затрагивается тема правонарушений, мотивов преступников и их выгоды. Им была создана классификация правонарушений (так, например, преступления бывают частными, личными (*reflectifs*), полупубличными и публичными), обозначены личностные мотивы преступника и разработаны некоторые принципы наказания в связи с уроном, наносимым преступником обществу, в основном по принципу «око за око»).

Преступник, по Бентаму, достаточно (хотя и не всегда) рационален; в основе любых преступных действий лежат два принципа: удовольствия и боли (*Pain and Pleasure*). Преступник, таким образом, старается достичь максимального удовольствия за счет других людей (это отличает его от обычного человека, стремящегося к наслаждению без причинения боли другим), при этом стараясь избежать наказания (боли). Являясь родоначальником утилитаризма, Иеремия Бентам воплотил в своих работах идеи французской просветительской философии, декларирующей всецелое разума, определив тем самым дальнейший ход науч-

¹ Здесь и далее перевод названий статей — А. С. Найдёнова и И. А. Кривенко.

ной мысли в сторону экономического подхода к исследованию криминального поведения в рамках классической экономической теории.

В XX в. идеи И. Бентама получили дальнейшее развитие, но уже с позиции существовавших на тот момент наработок в экономической науке. В частности, первые исследования криминальной экономики несут на себе серьезный отпечаток неоклассической экономической теории (главным образом в связи с тем, что рассматривают преступника с позиции «экономического человека», с выгодой и рациональным поведением как ключевыми стимулами совершения преступлений).

Первой такой работой было исследование Белтона Флейшера, проведенное им в 1963 г. [17]. Флейшер предположил, что выбор между легальной и нелегальной деятельностью может быть осуществлен путем оценки потенциальных затрат и выгод. В ходе работы автор приходит к возможности рассмотрения преступности и возникающих при этом «рыночных» отношений с позиции спроса и предложения, однако, к сожалению, не раскрывает сущность данной концепции, лишь обозначая ее как потенциальную возможность для дальнейшего развития экономической составляющей в исследованиях криминальной деятельности и криминального поведения.

Дальнейшую разработку экономических методов в криминологии продолжает Гэри Беккер [2, 3]. Он одним из первых показывает, что криминальную деятельность можно (и нужно) рассматривать с экономической точки зрения, что преступник в ходе своей деятельности руководствуется не моральными представлениями, а экономической выгодой (он, таким образом, рационален). Г. Беккер заходит даже дальше и считает, что при построении модели и подсчете оборота криминальной экономики есть смысл учитывать только экономическую сторону вопроса, издержки и прибыль преступника. Вывод Г. Беккера заключается в том, что преступления не прекратятся до тех пор, пока они будут выгодны.

В своей работе Г. Беккер предлагает ставшую уже классической модель ожидаемой выгоды (*expected utility*) от преступления:

$$EU_i = p_i U_i(Y_i - f_i) + (1 - p_i) U_i(Y_i), \quad (1)$$

где EU_i — ожидаемая выгода от преступления (*expected utility*); p_i — вероятность быть пойманным и обвиненным в преступлении; Y_i — выраженная в денежной форме прибыль от преступления; f_i — выраженные в денежной форме издержки от наказания; U_i — функция полезности.

Преступление, таким образом, будет совершено, если EU_i положительно. Несколько позже, в 1973 г. Уильям Браун и Морган Рейнольдс [6] доработали модель Беккера, рассмотрев начальный доход индивидуума в качестве исходной позиции:

$$EU_i = p_i U_i(W_i - f_i) + (1 - p_i) U_i(W_i + g_i), \quad (2)$$

где W_i — исходный доход; g_i — доход от преступности.

Аналогично Г. Беккеру, преступление будет совершено, если EU_i положительно, однако теперь в расчет принимается еще и начальный заработок потенциального преступника.

Основываясь на работах Г. Беккера, Джордж Стиглер разрабатывает экономически обоснованные рекомендации о системе наказания. Ключевая мысль его исследования заключается в том, что сила наказания и шанс быть пойманным должны расти прямо пропорционально тяжести преступления; равная степень наказания для преступлений разной тяжести экономически нецелесообразна, доказывает он, так как приводит к обратному эффекту.

Дж. Стиглер также говорит о том, что мотивы выбора «криминальной профессии», в сущности, ничем не отличаются от мотивов выбора «обычной» профессии. При этом возникают соответствующие вопросы о наиболее прибыльной «отрасли», периодической смене сферы занятости. Необходимо также решить и проанализировать, какие преступления наиболее выгодны в данной отрасли: редкие и крупные, либо мелкие, но частые. Уровень заработка, указывает он, напрямую зависит от опыта преступника [34].

Исаак Эрлих [14] также продолжает мысль Беккера, но делает упор в своем исследовании на объяснении выбора индивида между криминальной и легальной деятельностью, используя положения теории альтернативных издержек. Но при этом И. Эрлих подчеркивает, что преступления, мотивом которых не является та или иная экономическая выгода (то есть большая часть преступлений против личности: изнасилование, побои и т. п.), нельзя рассматривать с позиции криминальной экономики. Таким образом, модель «рационального преступника» для подобного рода преступлений не применима.

Несколько иную модель поведения преступника представляет в своем исследовании Д.М. Хейнек [20], основная суть которой заключается в том, что индивид решает, как распределить свое время между легальной и нелегальной деятельностью в зависимости от

потенциальной выгоды временных затрат. Индивид, таким образом, может выбрать свою «специализацию»: он отдает все свое свободное время либо легальной работе, либо нелегальной, либо и той и другой в определенной пропорции. Выбор между той или иной стратегией зависит от отношения субъекта к риску, потенциального дохода в легальной и нелегальной деятельности, а также от самого времени, которым располагает субъект (например, работает ли индивид в то время, которое мог бы посвятить досугу и т. п.).

Данная концепция находит свое дальнейшее развитие в работах А. Д. Витте [37], а также в совместных работах А. Д. Витте и П. Шмидта [32]. Ученые предлагают модель поведения индивидуума, в которой анализируется время, потраченное им на легальную деятельность, направленную на получение прибыли (работа), нелегальную деятельность, направленную на получение прибыли (воровство и т. п.), и время, потраченное на потребление легальных и нелегальных благ (например, наркотиков). Каждый из этих четырех компонентов является частью функции полезности (*utility function* — по аналогии с EU_i Г. Беккера), на основании которой индивид и принимает решение о выборе той или иной стратегии.

Интересную модель поведения рационального преступника предлагают в своей работе А. Холтманн и Л. Яп [22]. С их точки зрения различные преступления являются субститутами друг друга. Так, например, если по тем или иным причинам преступнику становится менее выгодно заниматься грабежами, он скорее всего переключится на воровство или кражи со взломом. Данную концепцию стоит учитывать при проведении дифференцированной политики против конкретных видов преступления: уменьшение общего количества грабежей может привести к увеличению общего количества краж и т. п.

В 1997 г. Джеффри Гроггер показывает [19], что уровень потенциальной заработной платы является важнейшим фактором при принятии решения о вовлечении в криминальную деятельность. Те или иные особенности, которыми изначально обладают различные группы людей на рынке труда (например, раса, происхождение и т. п.) являются детерминирующими факторами, определяющими возможную склонность к преступным способам заработка у данных групп. Впрочем, с возрастом уровень заработной платы как стимул заниматься криминальной деятельностью оказывает меньшее влияние на потенциального преступника.

Дж. Гроггер подчеркивает, вслед за И. Эрлихом, что подобный экономический подход целесообразно использовать в случае тех преступлений, в результате которых преступник стремится получить прибыль. Преступления, не имеющие целью экономическую выгоду (например, изнасилование), в рамки экономического подхода уложить невозможно.

Марк Коэн в своей статье [9] анализирует преступность с позиции выгод-затрат (*benefit-cost analysis*), причем, в отличие от Беккера, смещает акцент исследования с личности преступника на общество в целом. Ресурсы, которые теряет общество в связи с существованием преступности, автор называет социальной стоимостью преступлений (*social cost of crime*). Марк Коэн настаивает на том, что эти затраты должны быть оценены в денежном эквиваленте, последовательно доказывая, почему любые другие варианты оценки оказываются не столь эффективными.

Автор исследует возможные варианты оценки «стоимости» преступления и приходит к выводу, что для эффективного противостояния преступности со стороны общества необходимо иметь четкие представления о потерях при совершении того или иного преступления. Сопоставляя расходы, направленные на противодействие преступности, с потерями общества от самих преступлений, можно значительно эффективнее (с экономической точки зрения) бороться с преступностью. Очевидно, что такой подход может предполагать экономически эффективным отсутствие борьбы с преступностью ввиду значительного превышения расходов на борьбу над потерями общества от самой преступности.

Следующим этапом в исследовании криминальной экономики было использование математических методов на основе макропоказателей. Так, Клаудио Детотто и Эдоардо Отранто в статье «Влияет ли преступность на экономический рост?» [11] исследуют взаимосвязь макроэкономических показателей и уровня криминальной экономики. Авторы указывают на связь между уровнем преступности и приростом ВВП страны. Увеличение уровня преступности, таким образом, связано с уменьшением прироста ВВП. В итоге авторы приходят к выводу, что криминальную экономику можно рассматривать как аналог «плохого налога»: она распространяется на всю экономику страны, при этом уменьшая эффективность фирм и предприятий и перераспределяя ресурсы внутри экономики неэффективно и несправедливо.

Дальнейшие исследования криминальной экономики развивались в русле формирования экономической науки, как следствие, произошел сдвиг научной парадигмы в направлении институциональной экономики, то есть исследование проблемы криминальной экономики во взаимосвязи с социальными, политическими и другими проблемами.

В 1965 г. вышла работа, в рамках которой предпринята попытка оценить взаимосвязь преступности с социально-правовыми факторами. Автор работы Арлин Лейбовиц [23] решил подойти к вопросу о принятии правонарушителем решения о совершении преступления с несколько иной стороны, нежели Белтон Флейшер. Он показал, что связь между уровнем преступности и вероятностью быть пойманным значительно выше, чем между уровнем преступности и суровостью наказания. Вопрос экономической выгоды преступника здесь несколько смещается на второй план. В то же время, Бьерн Вальрас [36], напротив, обнаружил связь между суровостью наказания и уровнем преступности, правда, только в случае воровства, в то время как, к примеру, в случае грабежей такой взаимосвязи обнаружено не было.

Таким образом, в результате влияния институциональной экономики и соответствующих ей поведенческих предпосылок, а именно ограниченной рациональности индивидуума и оппортунистического поведения, в исследованиях криминальной экономики существенным образом сменилась методология исследования, начали активно использоваться эконометрические методы, которые дали совершенно новые результаты, в том числе достаточно противоречивые.

Так, например, Уильям Трамбулл [35] в своей работе вообще не обнаруживает никакой значимой связи между уровнем преступности и вероятностью ареста (обвинения и заключения под стражу) или продолжительностью (суровостью) наказания. Поведение преступника (а в особенности рецидивиста), по мнению У. Трамбулла, не должно быть связано с обозначенными выше факторами: раз индивид выбрал преступный путь, он будет придерживаться его и далее. К подобному же заключению приходит и Кеннет Волпин [38]: в своей работе он показывает, что связь суровости наказания и уровня преступности значительно варьируется между различными типами преступления; более того, большую часть случаев существования такой взаимосвязи нельзя рассматривать в качестве статистически значимой.

Интересное исследование на тему взаимосвязи уровня преступности и безработицы представлено в работе Теодора Джерико [8]. Ученый проанализировал 63 работы на данную тему, опубликованные в ведущих экономических журналах, и обнаружил, что примерно в одной трети работ была найдена позитивная и статистически значимая взаимосвязь безработицы и уровня преступности, в то время как только в 2 % исследований взаимосвязь была обозначена негативной (в остальных работах автор не обнаружил статистически значимой взаимосвязи). Благодаря Т. Джерико идея о взаимосвязи роста безработицы с ростом преступности прочно укореняется в экономических моделях.

Дальнейшее исследование этой идеи в рамках институционального подхода было продолжено в статье «Оценка экономической модели преступности с использованием панельных данных» [10]. Авторы приводят доказательства наличия связи ситуации на рынке труда с уровнем криминальной экономики. В то же время влияние различных «контркриминальных» мер (к примеру, увеличения числа полицейских или усугубления наказаний за преступления), часто анализируемых в экономических исследованиях, они, напротив, считают необоснованно завышенным.

Дж. Лотт [26] в своей статье «Объяснение с точки зрения транзакционных затрат склонности бедного населения к совершению преступления» также доказывает, что низкий уровень доходов неизбежно приводит к увеличению преступности, так как бедные люди более склонны к совершению преступлений. Одним из объяснений этого феномена является то, что бедный человек скорее пойдет на риск, потому что величина потери в случае неудачи значительно ниже, чем у более обеспеченного индивида. «Бедный преступник», таким образом, может быть вообще не склонен к оценке своих рисков и поэтому более охотно пойдет на преступление (в особенности против собственности).

В 1995 году выходит книга Ф. Цимринга и Г. Хокинса [39], ставящая под сомнение неоклассический подход и принципы маржинализма в исследовании криминальной экономики в принципе. Авторы очень критично относятся к возможности денежно оценивать стоимость преступления. По их мнению, современная экономическая наука (по состоянию на 1995 г.) не настолько развита, чтобы адекватно обозначать затраты общества в случае совершения преступления и прибыль в случае его предотвращения, как в теории, так и на практике.

В 2006 г. Стивен Левитт [25] исследует концепцию принятия преступником решений, используя современные методы анализа, в том числе весьма далекие от рационалистического подхода; его исследование сконцентрировано на объяснении зависимости поведения преступника от особенностей уголовного законодательства и ряда социальных факторов (таких, как расовое неравенство, доступность абортот (I) и легитимность оружия среди гражданского населения).

В рамках анализа эволюции взглядов западных ученых в вопросах исследования криминальной экономики отдельного обзора заслуживают ключевые исследования наиболее «популярных» сфер криминальной экономики — торговли наркотиками и проституции.

В 1968 г. вышла работа С. Роттенберга «Незаконное распространение героина, обнаружение и борьба» [30]. Ее автор одним из первых показал, что наркоторговлю можно (и нужно) рассматривать с позиции спроса — предложения; в своей работе он доказал, что спрос на наркотики неэластичен по цене, таким образом, пытаться влиять на уровень наркомании путем минимизации предложения экономически неэффективно. С. Роттенберг также показывает, что наркоман в основе своей рационален (хотя и ограниченно) и, как и обычный потребитель, стремится к минимизации своих издержек.

Дальнейшее исследование проблемы наркомании было продолжено в работе экономистов Дж. Коха и С. Группа. Авторами был предложен и проанализирован ряд моделей поведения спроса и предложения на наркотики при различной конъюнктуре рынка, а также возможное изменение спроса и предложения в ответ на те или иные действия правительства. В итоге авторы подтверждают идею С. Роттенберга о неэффективности влияния на предложение наркотиков и предлагают радикальное решение в виде создания легального и дешевого рынка ПАВ с целью исключения незаконного наркобизнеса (существование которого экономически значительно более невыгодно, чем существование наркоманов само по себе).

Продолжая исследование Дж. Коха и С. Группа, Ч. Райделл и С. Эверингем [31] сравнили между собой методы контроля над предложением наркотиков (как то изъятие наркотиков) с методами по контролю спроса на наркотики (лечение наркозависимых). В итоге ими было показано, что уменьшение потребления кокаина на 1 % может быть достигнуто либо путем

вложения 34 млн долл. в программы по лечению наркозависимых, либо путем вложения 246 млн долл. в прямую борьбу с потреблением наркотиков (увеличение количества полицейских, более частые проверки и т. п.). Это исследование часто цитируют как потрясающий пример доказательства идеи, что контроль над спросом более чем в 7 раз эффективнее контроля над предложением.

Что касается проституции, то в этой сфере было проведено не так много исследований. Так, например, в своей работе Дженис Г. Раймонд [29] анализирует спрос мужчин на услуги проституток и приходит к выводу, что наиболее значимым и фундаментальным фактором существования проституции вообще является спрос на нее со стороны мужчин. Спрос, по мнению автора, полностью формирует предложение на рынке сексуальных услуг. Открытым автор оставляет вопрос о легализации проституции: подобная практика имеет как свои плюсы (вроде большей защищенности работников секс-индустрии, а также налоговых отчислений за их деятельность), так и минусы (в первую очередь связанные с морально-этической стороной вопроса).

Авторы работы «Эмпирический анализ уличной проституции» [25] детально исследуют экономику проституции Чикаго на основе данных полиции, прямых опросов проституток и их сутенеров, а также некоторых косвенных оценок. Проституция, с точки зрения авторов, одна из самых наглядных сфер криминальной экономики с позиции рынка: при относительно низком уровне суровости наказания за проституцию ее зависимость от конъюнктуры рынка чрезвычайно высока; для рынка проституции характерны все те же особенности, что и для рынка легальных услуг.

Исследователи подсчитывают средний доход одной проститутки за год (через средний дневной заработок и среднее количество рабочих дней в году), а также предлагают модель (sic!) оценки стоимости одной услуги в зависимости от характера этой услуги, использования средств контрацепции, дня недели и характеристик клиента (в том числе его расы, физических особенностей и того, является ли он постоянным клиентом или нет). В работе анализируются риски работы с сутенером и без, общий риск работы и потенциальная выручка при различных условиях работы. Заработная плата среднестатистической проститутки при любом раскладе превышает среднюю заработную плату в регионе, однако риск тех или иных «неприятностей» (включая серьезные травмы

и смерть) значительно возрастает и, при прочих равных, не оправдывает высоких доходов.

Использование экономического подхода в исследованиях криминальной деятельности, как следствие, поставило вопрос статистического учета не только (и не столько) преступлений, но и финансовых ресурсов, задействованных в этом процессе. При этом возникают вопросы категоризации и типологизации, а также структуризации отдельных составляющих криминальной экономики, места и роли криминальной экономики в экономике страны, а также сущности самого понятия «криминальная экономика». На повестку дня встают также вопросы сходства и различия понятия «криминальная экономика» со смежными понятиями, такими как «скрытая экономика», «неформальная экономика», «незаконная экономика» и т. д.

Первые исследования в данной сфере также были выполнены в духе неоклассической экономической теории. В 1978 г. С. Генри [21] почти вплотную подходит к определению криминальной экономики. Он считает, что ее основу составляют как зарегистрированные, так и незарегистрированные преступления, однако определения криминальной экономики в своей работе он не дает.

Затем, в 1981 году появляется работа П. Бартелами «Теневая экономика: концепции и меры» [1]. Ее автор выделяет нелегальную экономику только в рамках скрытой экономики; сама по себе нелегальная экономика не выступает самостоятельной структурной единицей. Скрытая экономика (*the underground economy*) при этом включает в себя неформальную занятость, легальную деятельность, объемы которой скрываются с целью уменьшения налогового бремени, нелегальную деятельность.

Скрытая экономика, таким образом, состоит из уклонения от уплаты налогов, бартерных сделок, краж, коррупции, контрабанды, проституции и торговли наркотиками.

Ханс Ф. Сенхольц в своей работе [33], опубликованной в 1982 г., подчеркивает, что скрытая экономика (*underground economy*) должна быть четко отделена от экономики преступного мира. Автор обращает внимание на тот факт, что преступники сознательно наносят обществу вред, в то время как скрытую экономику представляют обычные граждане, с которыми государство обходится не совсем честно (с точки зрения самих этих граждан, конечно).

И, наконец, в 1990 г. Эдгар Фейге [16] дает первое четкое определение: «Криминальная

экономика представляет собой совокупность доходов, получаемых в ходе незаконной хозяйственной деятельности».

Дальнейшее развитие идеи криминальной экономики мы видим уже в определении, данном в 1993 г. Системой национальных счетов (SNA'93) [7], в соответствии с которым существует 2 вида нелегального производства (*illegal production*):

1) производство товаров и услуг, продажа, распространение или владение которыми напрямую запрещено законом;

2) производственная деятельность, которая становится незаконной в том случае, если при ее осуществлении отсутствует контроль государства (например, незаконная пересадка органов).

Примерами нелегального производства являются производство и распространение наркотиков, различные виды контрабанды, проституция, и т. п. В то же время такие преступления, как кража готовой легальной продукции, а затем ее последующая реализация не должны учитываться при подсчете нелегального производства.

Правда, в версии 2008 г. [12] несколько изменилось представление о краденной продукции: «Если украденная продукция реализуется где-нибудь в ином месте, например, на улице, прибыль „уличного торговца” рассчитывается как разница между себестоимостью и ценой продажи. Но поскольку за товар не было ничего заплачено, маржа полностью совпадает с выручкой».

Европейская методика СНС (ESA 1995) [15] вносит следующее дополнение в криминальные транзакции: «При подсчете нелегальной экономики стоит учитывать только те транзакции, которые основаны на добровольных началах. Таким образом, изготовление, продажа или даже бартерные сделки с наркотиками или краденными вещами должны учитываться при подсчете криминальной экономики, а воровство, мошенничество и т. п. — нет».

В дальнейших работах мы видим уже некоторые повторения или небольшие уточнения понятия. Например, в работе 1997 г. «Неофициальная экономика в Хорватии: причины, объемы и последствия» [5] Иво Биканик и Катарина Отт повторяют мысль Х. Сенхольца. Так, криминальная экономика отделяется от неофициальной экономики (*unofficial economy*); она включает в себя проституцию, наркобизнес, организованную преступность и прочую нелегальную деятельность, в то время как неофициальная экономика в основе своей легальна.

В 1999 г. Р. Фриман [18] анализирует различные аспекты экономики преступлений, в том числе приводит экономическую модель принятия преступником решения о совершении того или иного правонарушения. В нелегальную экономику включается вся запрещенная законом деятельность, в том числе кражи и грабежи, однако Р. Фриман подчеркивает, что подчас граница между легальной и нелегальной экономикой очень расплывчата.

Криминальную экономику автор делит на 2 крупные группы — без жертв (*victimless crime*: проституция, наркобизнес и т. п.) и с жертвами (*victims' crime*: кражи, грабежи, убийства и т. п.). Причем для первой группы прекрасно работают классические законы рынка: модель спроса и предложения, эластичность и прочее (таким образом, криминальные товары по существу ничем не отличаются от некриминальных). Для второй группы ситуация несколько иная, так как на преступления с жертвами не

существует спроса со стороны населения; экономическая модель, впрочем, применима и здесь: автор указывает на связь роста количества преступлений и уменьшения прибыли преступников. Подобная закономерность обусловлена двумя факторами: во-первых рост преступности влечет за собой ответ со стороны общества (повышение суровости наказания за преступление или усиление роли полиции), во-вторых, чем больше совершается преступлений, тем меньше шансов у преступника сорвать большой куш из-за внутренней конкуренции между самими преступниками.

Подобное же определение предлагает и Дэйвор Микулич [38]: нелегальная экономика представляет собой доход (*income*), возникающие в ходе осуществления преступной деятельности; ее участники вовлечены в производство и распределение запрещенных законом товаров или услуг. Аналогично в «Измерении ненаблюдаемой экономики» [27] (*a Handbook*):

Таблица

Эволюция подходов западных ученых к криминальной экономике

Годы	Концепция	Экономическая школа	Авторы
1843	«Почти» рациональный преступник; принцип удовольствия и боли; классификация преступлений и наказаний за них	Классическая	Jeremy Bentham
1963	Взгляд на преступление с позиции спроса и предложения; оценка потенциальных выгод и затрат при выборе преступной деятельности	Неоклассическая	Belton Fleisher
1965–1990	Анализ уровня преступности с позиций законодательства и работы исполнительной власти, а также влияния социальных факторов	Институциональная	Arleen Leibowitz, Björn Wahlroos, William Trumbull, Theodore Chiricos, Kenneth Wolpin, John Lott
1968–1978	Рациональный преступник, его мотивы; экономическая выгода от преступлений; экономика преступлений и наказания	Неоклассическая	Becker Gary S., Stlger G. J., Isaac Ehrlich, Brown William, Reynolds Morgan, J. M Heineke
1978–1990	Ввод понятия «Криминальная экономика», эволюция термина	Неоклассическая	Henry, S., Barthelemy, P., Hans Sennholz, Edgar Feige
1994–2006	Критика неоклассического подхода, отказ от «рационального преступника»; изучение влияния различных социальных и политических, а также внутренних мотивов преступника	Институциональная	C. Cornwell, F. Zimring, G. Hawkins, Steven Levitt
1978–1997	Сопоставление заработков в легальной и нелегальной экономике; проблема выбора между легальной и нелегальной деятельностью; модель криминального рынка труда	Неоклассическая	Holtmann, L. Yap, Peter Schmidt, Ann Witte, Jeffrey Grogger
2000	Применение анализа издержек и экономических выгод (<i>benefit-cost analysis</i>) при оценке преступности	Неоклассическая	Mark Cohen
2001	Определение криминальной экономики через денежные потоки	Монетаристская	Stephen Easton
2010	Использование макроэкономических показателей (в т. ч. ВВП) при оценке криминальной экономики	Неоклассическая	Claudio Detotto, Edoardo Otranto

«Нелегальная экономика — производственная деятельность, связанная с предоставлением товаров и услуг, запрещенных законом (включая деятельность, которая становится незаконной в случае ее осуществления неуполномоченным на это агентом)»

Интересную монетаристскую концепцию можно увидеть в работе Стивена Истона и Нильса Вельдхуиса «Объемы теневой экономики: обзор оценок» [13]. Преступная деятельность (*Illegal activities*), по их мнению, делится на 2 категории: связанная с денежными транзакциями (*monetary transactions*), и не связанная с ними (*non monetary transactions*). В первую категорию включаются такие виды деятельности, как продажа краденых товаров, производство и распространение наркотиков, проституция; азартные игры, контрабанда, мошенничество и т. п. Во вторую категорию включается все то же самое, однако уточняется, что либо сделки должны осуществляться на бартерной основе, либо продукция должна быть использована для собственного потребления. Авторы подчеркивают, что при оценке объемов преступной деятельности, основанную на *non monetary transactions*; нелегальная экономика, таким образом, имеет место исключительно в тех случаях, когда наличествуют денежные транзакции.

Хронологически эволюция подходов западных ученых к криминальной экономике отражена в таблице.

В настоящее время в теоретических работах западных исследователей криминальной экономики наблюдается определенный застой, связанный с тем, что существующие концепции и парадигмы не совсем отвечают требованиям времени. Это обусловлено, прежде всего, тем, что само содержание криминальной экономики существенно трансформировалось из краж, воровства и наркоторговли в преступления совершенно иного порядка, связанные с отмыванием денег и коррупционными преступлениями. Совершение преступлений подобного рода сопряжено с абсолютно новыми социально-экономическими и политическими процессами в обществе, тесной интеграцией с легальной экономикой и рядом других, не менее значимых аспектов, исследование которых еще только предстоит.

В этой связи переосмысление предшествующих работ, для которых характерен междисциплинарный подход исследования с привлечением социологических и психологических подходов, а также философских и, порой, религиозных концептов, является важнейшей составляющей при формировании новых теоретико-методологических основ исследования криминальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Barthelemy, P. "L'économie souterraine: concepts et mesures." Centre d'Analyse Economique, FEA, Aix-en-Provence, December, 1981.
2. Becker Gary S. "Crime and Punishment: An Economic Approach". The Journal of Political Economy 76, 1968, 169–217 pp.
3. Becker Gary S. "The Economic Approach to Human Behavior. Links to chapter previews. University of Chicago Press. 1976, 315 pp.
4. Bentham Jeremy, The Works of Jeremy Bentham, vol. 1 (Principles of Morals and Legislation, Fragment on Government, Civil Code, Penal Law), 1843, 1491 pp.
5. Bicanic, Ivo and Ott, Katarina "The Unofficial Economy in Croatia: Causes, Size and Consequences", Institute of Public Finance, Occasional Paper No. 3, Zagreb, Croatia, November, 1997, 45 pp.
6. Brown, William W. and Reynolds, Morgan O. (1973), 'Crime and "Punishment": Risk Implications', 6 Journal of Economic Theory, 508-514.
7. CEC, IMF, OECD, UN & World Bank "System of National Accounts 1993", Prepared under the auspices of the Inter-Secretariat Working Group on National Accounts, Brussels/Luxembourg, New York, Paris, Washington, D.C., 1993, xxi + 814 pp.
8. Chiricos, Theodore G. 'Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence', 34 Social Problems, 187-212. 1987.
9. Cohen, Mark A. Measuring the costs and benefits of crime and justice. In Measurement and analysis of crime and justice. Edited by David Duffee, 263–316. Criminal Justice 4. Washington, DC: National Institute of Justice, 2000.
10. Cornwell, Christopher and Trumbull, William "Estimating the Economic Model of Crime with Panel Data", The Review of Economics and Statistics, Vol. 76, No. 2 (May, 1994), pp. 360-366.
11. Detotto, Claudio and Otranto, Edoardo "Does Crime Affect Economic Growth?", Kyklos, Vol. 63 — August 2010 — No. 3, 330-345.
12. EC, IMF, OECD, UN & World Bank "System of National Accounts 2008", European Commission, International Monetary Fund, Organization for Economic Co-operation and Development, United Nations and World Bank, New York, Dec. 2009, lvi + 662 pp.

13. Easton, Stephen, with Neils Veldhuis. "The Size of the Underground Economy: A Review of the Estimates", Simon Fraser University, January, 2001.
14. Ehrlich, Isaac "Participation in Illegitimate Activities: An Economic Analysis", a chapter in Essays in the Economics of Crime and Punishment, from National Bureau of Economic Research, Inc, 1974, pp 68-134.
15. European Commission "European System of Accounts ESA 1995" Eurostat, Brussels-Luxembourg, 1996, xx + 383 pp.
16. Feige, Edgar L., "Defining and estimating underground and informal economies: The new institutional economics approach," World Development, Elsevier, vol. 18(7), pages 989-1002, July, 1990.
17. Fleisher, Belton, "The Effect of Income on Delinquency," American Economic Review, 56 (March, 1966), pp. 118-37.
18. Freeman R. The Economics of Crime. In: Handbook of Labor Economics, Vol 3c. Amsterdam, Netherlands: North Holland Publishers; 1999. p. Chapter 52. 3529-3563 pp.
19. Grogger, Jeffrey "Market wages and youth crime", Working paper no. 5983 (NBER, Cambridge, MA), 1997, 52pp.
20. Heineke, J.M. Economic Models of Criminal Behaviour, Amsterdam, North-Holland, 391p. 1978.
21. Henry, S. "The Hidden Economy: The Context and Control of Borderline Crime", Oxford: Martin Robertson, 1978, 194 pp.
22. Holtmann, A. G. and Yap, L. 'Does Punishment Pay?', 33 Public Finance, 90-97. 1978.
23. Leibowitz, Arleen, "Does Crime Pay? An Economic Analysis," unpublished M.A. thesis, Columbia University, 1965.
24. Levitt, Steven, and Miles, Thomas J., "Economic Contributions to the Understanding of Crime", Annual Review of Law and Social Science Vol. 2: 147-164, 2006.
25. Levitt, Steven D. and Sudhir Alladi Venkatesh. "An Empirical Analysis of Street-Level Prostitution", (September, 2007), University of Chicago working paper, pp. 1-29.
26. Lott, John R., Jr , 'A Transaction-Costs Explanation for Why the Poor are More Likely to Commit Crime', 19 Journal of Legal Studies, 243-245. 1990.
27. Measuring the Non-Observed Economy, a Handbook, OECD Publications, Paris, France, 2002, 250 pp.
28. Mikulic, Davor "Assessment of the Unofficial Economy in the Republic of Croatia in 1998 Using The System of National Accounts" Economic Trends and Economic Policy (Privredna kretanja i ekonomska politika), 2000, No. 83, 35-95 pp.
29. Raymond, Janice, "Prostitution on Demand: Legalizing the Buyers as Sexual Consumers", Violence Against Women, Vol. 10 No. 10, October 2004, 1156-1186.
30. Rottenberg S. The Clandestine Distribution of Heroin, its Discovery and Suppression // Journal Political Economy. 1968. Vol. 76. P. 78-90.
31. Rydell, Charles P., and Susan S. Everingham. 1994. Controlling cocaine: Supply versus demand programs. Santa Monica, California: RAND.
32. Schmidt, Peter and Witte, Ann D. (1984), An Economic Analysis of Crime and Justice: Theory, Methods, and Applications, New York, Academic Press, 416 p.
33. Sennholz, Hans, The Underground Economy, Auburn, Ludwig von Mises Institute, 1982, 27 pp.
34. Stigler G. J. The Optimum Enforcement of Laws // Journal of Political Economy. 1970. Vol. 78. № 3. P. 526-335.
35. Trumbull, William N. 'Estimations of the Economic Model of Crime Using Aggregate and Individual Level Data', 56 Southern Economic Journal, 423-439. 1989.
36. Wahlroos, Bjorn 'On Finnish Property Criminality: An Empirical Analysis of the Post War Era Using an Ehrlich Model', 83 Scandinavian Journal of Economics, 553-562. 1981.
37. Witte, Ann 'Estimating the Economic Model of Crime with Individual Data', 94 Quarterly Journal of Economics, 57-84, 1980.
38. Wolpin, Kenneth I. 'A Time Series-Cross Section Analysis of International Variation in Crime and Punishment', 62 Review of Economics and Statistics, 417-423. 1980.
39. Zimring, Franklin E., and Gordon Hawkins "Incapacitation: Penal confinement and the restraint of crime", New York: Oxford University Press, 1995, 208 pp.

УДК 330.88

Ключевые слова: криминальная экономика, криминология, экономические методы в криминологии